

Сообщения

УДК 821.161.1-31"18".04.09(045)

Е.Ю. Шестакова

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ТЕМЫ ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ Н.Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО «ДЕТСТВО ТЕМЫ»

В настоящем исследовании рассматриваются особенности художественного воплощения темы детства в повести «Детство Темы» русского писателя второй половины XIX в. Н.Г. Гарина-Михайловского. Делается вывод о том, что главным героем произведения, избранного для анализа, является ребенок, мальчик Тема Карташев. Ведущей художественной задачей писателя стало постижение внутреннего мира ребенка, раскрытие специфики детского мировосприятия, мыслительной и духовно-нравственной сферы. Образ семьи, воссозданный в повести, осмысливается неотъемлемой частью мира ребенка. Природное окружение героя выполняет роль гармонизирующей сферы и связывается с представлением о красоте. Повесть раскрывает процесс познания ребенком мира, становления его личности, формирования представлений о себе и людях. Внешние обстоятельства выполняют важнейшую функцию на этом пути. Преимущественно Н.Г. Гарин-Михайловский изображает трагическое положение ребенка в современной действительности. Поиск причин детских страданий приводит писателя к выявлению проблем семейного и школьного воспитания.

Ключевые слова: тема детства, повесть «Детство Темы», Н.Г. Гарин-Михайловский, образ ребенка, тема семьи, проблема воспитания.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-489-496

Детство осмысливается важнейшим периодом формирования личности человека, его внутреннего мира, особенностей мировосприятия и миропостижения. Исследовательский интерес к детству, осознание несомненной ценности этого этапа человеческого развития появляется на определенном этапе общественного развития. В современном литературоведении очевиден нарастающий интерес к этой проблеме. Наше исследование выполнено в ее русле.

Творческое наследие Н.Г. Гарина-Михайловского (1852–1906) оказалось в центре внимания отечественных исследователей с 1950-х гг. Осмыслению специфики художественной картины мира, созданной писателем, его социально-политических, философских взглядов, творческой манеры посвящены работы Г.А. Бялого [1], К.Д. Гордович [3], М.А. Крыловой [4], Л.Н. Савиной [10], Н.Д. Курышевой [5], Н.А. Могилевского [6], Е.В. Никольского [8], В.В. Прокопьева [9], Л.А. Туманян [11], А.Ф. Цирулева [13], И.М. Юдиной [14]. Отдельные научные труды, к примеру, диссертации М.А. Крыловой и Л.Н. Савиной обращены к рассмотрению различных аспектов повести «Детство Темы». Однако следует признать, что вопрос о художественном своеобразии изображения темы детства в этом произведении Н.Г. Гарина-Михайловского нельзя признать полностью решенным.

Повесть «Детство Темы» сразу после ее выхода в свет в 1892 г. приобрела широкую известность. Успех произведения объясняется тем, что каждому человеку близки сюжетные коллизии, изображенные в произведении, а также поднятые писателем проблемные вопросы. Читатели с удовольствием обращались к страницам повести, попутно вспоминая о собственном детстве.

Повесть «Детство Темы» создана на автобиографической основе. Сам автор и критики настойчиво указывали на то, что в произведении почти отсутствует вымысел. В повести писатель воссоздал многие подлинные факты своей жизни, обстановку, в которой прошло его детство, отразил детские воспоминания и переживания. Прототипами для образов Темы, его отца и матери стали сам писатель и его родители.

Н.Г. Гарин-Михайловский родился 8 февраля 1852 г. в дворянской семье, когда-то одной из наиболее богатых и знатных в Херсонской губернии, но постепенно разорявшейся. К началу 1850-х гг. у отца писателя был дом в Одессе и имение, находившееся недалеко от города. Здесь и прошли детские и отроческие годы Н.Г. Гарина-Михайловского, которые он описал в повести «Детство Темы».

В целом повесть дает достаточно верное представление об атмосфере традиционного дворянского быта, с его вековым укладом и ценностями, в котором рос и формировался Н.Г. Гарин-Михайловский. Особое внимание он уделяет описанию проблем воспитания ребенка. Это связано с детскими переживаниями писателя. Отец, Георгий Антонович Михайловский, заслуживший во время венгерской кампании 1848–1849 гг. особое расположение императора Николая I и вышедший в отставку в генеральском чине, стремился воспитать сына как верноподданного русского дворянина. Офицер николаевского времени, он был сторонником крайне жестких воспитательных мер, вызывавших горячий отпор со стороны матери. Отцу писателя, как и отцу Темы Карташева, героя повести, были свойственны строгость, часто переходящая в жестокость по отношению к сыну.

Мать писателя, Глафира Николаевна Михайловская, старалась, в отличие от мужа, действовать на ребенка мягким убеждением, много говорила с ним о честности, порядочности, доброте. Она принципиально отвергала физические наказания, поскольку считала, что такой воспитательный метод служит лишь унижению личности ребенка. Мать будущего писателя всегда стремилась разобраться в причинах непослушания или шалостей сына, объяснить себе и другим мотивы его поступков. Иными словами, в повести «Детство Темы» нашли отражение взаимоотношения родителей и писателя, а также различные взгляды на воспитание детей.

Детство Н.Г. Гарина-Михайловского совпало с эпохой Великих реформ 1860-х гг., которая вызвала в обществе желание расстаться с устоявшимися взглядами, нравами, привычками. Эти настроения нашли отражение в повести «Детство Темы». Так, Тема Карташев тянется к своим сверстникам из «наемного двора», детям бедных ремесленников и рыбаков. Мальчику кажется слишком скучной жизнь благовоспитанного дворянского ребенка. По складу своего характера и темперамента он тяготеет к жизни улицы. Естественность, свобода детей из народа неудержимо влечет Тему. Домашнее воспитание, напротив, оказывает сдерживающее воздействие на проявление непосредственных порывов, чувств, желаний, потребностей ребенка, порождая в его душе смятение, нервозность, при этом нередко приводя к утрате духовно-нравственных ориентиров.

В центре внимания повести оказались также вопросы образования детей. Интерес к ним обусловлен личным опытом Н.Г. Гарина-Михайловского. Известно, что во время обучения в гимназии он столкнулся с жестокостью и равнодушием педагогов, с настороженным недобрым вниманием к себе со стороны надзирателя и инспектора, недружелюбием гимназистов. Погружение в чтение спасало мальчика от отчаяния, тревоги, позволило сохранить чувство собственного достоинства.

Писателю, как и Теме Карташеву, «претил тяжелый, давящий строй казенной гимназической жизни» [2, с. 6], «вызывал» желание «инстинктивного противодействия» [2, с. 6]. Н.Г. Гарин-Михайловский показывает, как гимназия калечит душу ребенка. Школа не дает юному человеку того нравственного идеала, который помог бы в будущем обрести верную жизненную цель. Главный принцип обучения в гимназии – «бездумная, нудная, постоянная долбежка» [2, с. 34]. Школа «добывается от героя повести прежде всего послушания, беспрекословного, неосмысленного» [2, с. 34]. Однако нельзя полностью совмещать образ Темы Карташева с автором произведения, поскольку отражение личной биографии не было главной художественной задачей писателя. Он стремился через частную, индивидуальную судьбу раскрыть процесс формирования и становления ребенка, и, шире, дать общую картину детской души, внутреннего мира ребенка.

Воссозданная писателем в повести модель мира антропоцентрична. Л.Н. Савина отмечает, что «Детство Темы» «можно классифицировать как автопсихологическое произведение, поскольку автобиографическое начало проявилось здесь не столько в описании событий из прошлого писателя, сколько в изображении ощущений, настроений» [10, с. 98].

В первой главе повести, «Неудачный день», Н.Г. Гарин-Михайловский использует *прием контрастного построения текста*. В начале главы автор передает радостное, счастливое настроение мальчика, ближе к концу – чувство ужаса, сильнее страха. Этот прием помогает писателю сделать более отчетливой смену настроений ребенка, раскрыть остроту его переживаний.

С этой же целью автор прибегает к *приему нагнетания слов с положительной и отрицательной семантикой*. Так, прилагательные в превосходной степени («в самом веселом, беззаботном расположении духа»), раскрывающие душевное состояние мальчика, поддерживают описание окружающего его мира: «В саду так хорошо было!» [2, с. 4]. Включенные в речь оценочные конструкции позволяют воспринимать и предшествующий контекст как содержащий положительную семантику: «Всего несколько минут тому назад, как он, проснувшись, помолился Богу, напился чаю, причем съел с аппетитом два

куска хлеба с маслом, – одним словом, добросовестным образом исполнивши все лежавшие на нем обязанности, вышел через террасу в сад в самом веселом, беззаботном расположении духа» [2, с. 5].

«Обязанности» Темы предстают не как «добросовестным образом» исполненный долг, а как приятное дело, с которого начинается летнее утро. Включая в «авторский рассказ несобственно-прямую речь», Н.Г. Гарин-Михайловский «достигает слияния восприятия происходящего повествователем и героем» [12]. Повествователь перевоплощается в героя, встает на его точку зрения, использует его «речевую маску» [7, с. 71]. В связи с этим в тексте появляется повтор отглагольного существительного «наслаждение», который встречается и в речи автора, и в несобственно-прямой речи: «Он шел по аккуратно расчищенным дорожкам сада, вдыхая в себя свежесть начинающегося летнего утра и с наслаждением осматривался. Вдруг <...> Его сердце от радости и наслаждения сильно забилося» [2, с. 5].

Использование многоточия позволяет писателю выразить волнение, охватившее ребенка при виде «чуда»: «Любимый папин цветок, над которым он столько возился, наконец, расцвел!» [2, с. 5]. Чувства переполняют Тему – и текст изобилует восклицательными конструкциями, эпитетами, помогающими передать состояние героя: «И что это за роскошный, что это за прелестный цветок!» [2, с. 5]. В целом несобственно-прямая речь в повести эмоциональна: в ней концентрируются междометия, прерванные предложения, регулярно употребляются восклицательные и вопросительные предложения. При этом лексический состав контекстов с несобственно-прямой речью отражает именно детскую точку зрения: «Ах, как хорошо дышать! И Тема вздохнул всей грудью. Как хорошо бегать, смеяться, жить! <...> А она не может жить, она никогда не откроет глаз и никогда не ляжет больше на эту кровать <...>» [2, с. 18].

Следующий эпизод, который описывается в главе «Неудачный день», вступает в оппозиционные отношения к первому эпизоду и подчеркивает мимолетность детского счастья. К Теме приходит ужасное осознание «непоправимости» случившегося. Название первой главы «Неудачный день» в тексте поддерживается использованием лексем с негативным значением: «Маленький восьмилетний Тема, бледный, с широко раскрытыми глазами, стоял над сломанным цветком и с ужасом вдумывался в безвыходность своего положения» [2, с. 4]. Сам мальчик предстает таким же цветком, жизнь которого мгновенно изменяется из-за одного неосторожного движения.

Образ сада, воссозданный в главе «Неудачный день», утрачивает традиционную семантику поэтического детства человечества, райского Эдема. Напротив, сад в повести Н.Г. Гарина-Михайловского становится местом переживания драмы, включается в текстовое пространство как символ смятения души ребенка, становится синонимом его внутреннего дисгармоничного состояния. Мотив земного изобилия, традиционный для изображения сада, исчезает. Цветы, птицы не радуют мальчика, а становятся свидетелями его трагедии.

Животные, с которыми общается герой в родительском доме, пробуждают в нем самые трогательные, нежные чувства. Образ Жучки, за которой мальчик, преодолевая естественное чувство страха, движимый сочувствием и любовью, спускается ночью в темный колодец, становится воплощением незащитности, ранимости, уязвимости. Собака, как и ребенок, одинока в этом мире. Мальчик испытывает естественное чувство любви и жалости к животному.

Н.Г. Гарин-Михайловский раскрывает глубинные психологические процессы, сопровождающие формирование человеческого характера в пору детства. В центре внимания автора оказывается «процесс становления личности ребенка» [4, с. 8]. В основе композиции повести лежит «не внешняя связь эпизодов, а внутреннее единство, обусловленное показом процесса социализации ребенка» [10, с. 148].

Образ детства, созданный писателем, «лишен статики, банальной слащавости или умиления» [7, с. 71]. Основная тема повести – воспитание души, при этом автор постоянно подчеркивает сложность внутренней жизни маленького героя, проявляющейся в хаотичности чувств и мыслей. Сквозными образными обозначениями характера героя в повести служат метафоры («живой огонь», «пламя», «горячее сердце») и сравнения («живой, как огонь», «подвижный, как ртуть»).

Тема воспитания души определяет специфику образного строя повести и особенности ее лексико-семантической организации. Ключевыми словами текста служат наименования нравственных качеств и эмоций: «маленький трус», «храбрый, добрый, любящий мальчик» [2, с. 18]. Тема постигает окружающий мир, открывает его, узнает, что существуют смерть, зло, предательство. Иными словами, мальчик исследует многомерность человеческого «я». Он видит, что человек оказывается склонен к тяжелым нравственным падениям и одновременно с этим, может победить себя, свои дурные наклонности. Стихию подсознательного, неспособность преодолеть страх, близость греха воплощают в тексте

образы «темной глубины», погружения в бездну, темноту, мрак: «погружался куда-то», «туда <...> куда-то далеко, в глубь» [2, с. 18].

В повести Н.Г. Гарина-Михайловского «ведущим хроносом» становится «биографическое время, которое имеет прерывистый, дискретный характер» [4, с. 11]. «Детство Темы» задает «лейтмотивное движение к расширению пространства: от точечного, замкнутого (хронотоп дома) к разомкнутому, ненаправленному пространству финала повести» [4, с. 12]. В основе структуры художественного пространства произведения лежит система оппозиций: замкнутое – разомкнутое пространство, дом – мир.

В «Детстве Темы» природа становится важной и активной частью повествования. Н.Г. Гарин-Михайловский стремится показать «близость ребенка к бесконечности природных стихий (море, небо, степь), что формирует свободного человека, победившего страх перед стихией бесконечности» [4, с. 15]. Автор отображает *синкретизм человека и природы*. Заметим, что в моменты счастья Тема испытывает чувство единения с природой. Мгновения подлинного счастья, переживаемые ребенком, редки, и чаще всего они переживаются во время обретения единства, слияния с небом, солнцем, землей, миром птиц, насекомых. При описании «нежного, ясного утра» в главе «Неудачный день», которое не предвещает беды, автор использует эпитеты («густая» листва, «веселые, светлые» пятнышки) и олицетворения («пробивается солнце, играя на траве», «мошка остановилась, выпускает крылышки»). Попав в беду, Тема ощущает одиночество, ужас, сильнейший страх. Природа словно «отвечает» его внутреннему смятению, фон ее становится мрачным, темным, пугающе-отталкивающим. Образ грозы, темных туч, надвигающихся с неба, блеск молнии – все вместе это соотносится с предчувствиями неизбежной отцовской кары за сломанный цветок. Мотив суда здесь не связан с темой христианского прощения, хотя писатель показывает соучастие природы в жизненных перипетиях маленького героя. Нагнетание определений с негативно-оценочной семантикой усиливает безвыходность положения, в котором оказался мальчик: «Какой резкой, острой чертой, какой страшной, неумолимой, беспощадной силой оторвало его вдруг сразу от всего!» [2, с. 3].

Ребенок изображен в окружении семьи (отца, матери, сестры). В основе произведения лежит «сюжет-архетип», который реализуется «в движении архетипических образов (младенца, матери, дома, отца) и единообразии композиции» [4, с. 8]. Родовые связи в произведении «определяются духовной близостью с материнским началом, лишенным властности, наполняющим добром и поддержкой» [4, с. 8]. Мать трактуется автором как абсолютная любовь, прощение, принятие ребенка таким, какой он есть. Тема истоков бытия человека, со всей очевидностью подхваченная и развитая автором, тесно связывается с образом матери.

Дом (родовая усадьба) в повести становится основным местом действия. Н.Г. Гарин-Михайловский показал процесс утраты, разрушения семейного уклада, быта, взаимоотношений родных людей. В результате герой-ребенок испытывает глубокие нравственные страдания. У него возникает непреодолимое желание покинуть родной дом. Тема тяготеет к открытию «большого мира», поскольку родовое гнездо перестало для него быть духовно-нравственной опорой. Данная ситуация разворачивается в соответствии с библейской историей о «блудном сыне» [4, с. 139].

Писатель показывает, что не всегда существование героя-ребенка в богатом доме-усадьбе складывается счастливо, благополучно, безмятежно. Так, когда Тема ломает цветок, в его сознании возникает образ отца с его суровыми методами воспитания. Эпитеты, включенные в повествовательную ткань, помогают передать чувства страха и ужаса, которые испытывает мальчик, вспоминая отца: «страшный», «нехороший» (о лице), «гадкий», «желтенький» (ремень в руках отца) [2, с. 5]. Сравнение «стоит, словно очарованный» [2, с. 5], воссоздает психологическое состояние Темы, ожидающего наказания. Писатель изображает семью, в которой «родственные связи деформированы» [10, с. 148].

Образ отца в детском восприятии связан с переживанием неослабевающего страха. Непосредственность, живость мальчика постоянно приводят к казусным ситуациям. Не удержавшись, Тема ломает лозы, которые любит и бережет отец. Все домашние и слуги понимают, что его ждет неизбежное наказание. Осознает это и сам Тема, но по-детски наивно отвергает мысль о предстоящем. Психика доброго, тонко чувствующего мальчика с раннего детства оказывается изломанной, искаженной постоянным страхом наказания за любой, самый невинный проступок.

Примечательно, что в тексте «Детства Темы» не встречается изображение совместной трапезы родителей и детей. Разрушение «культы еды выявляет отсутствие близости отца и сына, непонимание взрослым сокровенной сущности ребенка» [10, с. 153]. В результате тема счастья, традиционно сопутствующая раскрытию темы детства, в повести уступает место теме детских страданий.

Ценностно-смысловая оппозиция *дом-усадьба / город* определяет своеобразие хронотопической структуры повести. Дом, находящийся в сельской местности, осмысляется местом близости героя с миром природы, умиротворения, возможности нахождения в ситуации душевного покоя. Образ города тесно связан с представлением о суетности, пустоте, душевной усталости. Город окончательно разрушает представление о детстве как об идиллическом существовании. Писатель последовательно сменяет топосы: сначала изображается усадебный мир, потом город. Они находятся в оппозиции друг другу. *Принцип структурной оппозиции* определяет основное ценностно-смысловое поле повести.

В повести «Детство Темы» Н.Г. Гарин-Михайловский обращается к проблеме семейного и школьного воспитания и образования, раскрывая разрушительный для ребенка характер того и другого. Писатель показывает, что в основе авторитарной системы воспитания лежит наказание, которого боится герой. Чувство боязни разрушает его изнутри. Это изображено в сцене расправы отца с сыном, где использованы глаголы с негативной семантикой: «удары сыплотся», «извивается», «визжит», «страстно целует», «молит», «не целовать, а бить, кусать хочется», «бешено рвется», «кричит» [2, с. 5].

По мысли исследователя, «синтаксис и лексическое наполнение предложений подчинены одной цели – показать психологический надлом человека, превращающегося в животное» [12]. Ребенок не произносит слово «папа», используя вместо него местоимение «он». В данный момент Тема не видит в отце человека, но только карающую, властную силу. Чуть позже отец по отношению к сыну употребляет слово «змееныш» [2, с. 5], демонстрируя тем самым тот факт, что видит в ребенке только отвратительную «животную» сущность, не воспринимает его как чувствующее, страдающее человеческое существо. Тема действительно превращается в «извивающегося, визжащего» [2, с. 5] зверя. Все это происходит от того, что отец героя повести, руководствуется определенными воспитательными и нравственными принципами, не имеющими ничего общего с сочувствием и состраданием: по его мнению, за проступок виновный должен быть наказан. Однако результаты такого воспитательного воздействия катастрофичны, в ребенке формируется нервозность, он начинает лгать окружающим людям, в особенности взрослым.

Аглаида Васильевна, мать Темы, выражает авторскую позицию в вопросах семейного воспитания. Она «хочет понять детскую душу и воздействовать убеждением, – в ее уста писатель вложил много своих заветных мыслей о воспитании, согрев этот образ горячей любовью к детям» [12, с. 86]. Не принимая методы воспитания мужа, Аглаида Васильевна с «помертвелым лицом» пытается защитить сына: «Ах! Зачем она опять дала себя убедить, зачем связала себя словом не вмешиваться и ждать? <...> Ужас наполнял душу матери» [2, с. 12]. Мать Темы отрицает физические наказания, унижающие ребенка, лишаящие его чувства собственного достоинства.

Согласно наблюдению исследователя, «в тексте произведения несобственно-прямая речь характерна в основном для двух персонажей: маленького Тему и Аглаиды Васильевны» [12]. Это еще более подчеркивает духовную близость матери и сына. Прием несобственно-прямой речи позволяет автору «показать внутренний мир Аглаиды Васильевны» [12], пытающейся разобраться в том, что происходит в душе ребенка: «Ах, боже мой, боже мой, какая страшная ошибка! Как могла она допустить это? Какая гнусная гадость! Точно ребенок сознательный негодяй! Как не понять, что если он делает глупости, шалости, то делает только потому, что не видит дурной стороны этой шалости. Указать ему это дурную сторону, не с своей, конечно, точки зрения взрослого человека, а с его, детской, не себя убедить, а его убедить, задеть самолюбие, опять-таки его детское самолюбие, его слабую сторону, суметь добиться этого – вот задача правильного воспитания» [2, с. 12]. Н.Г. Гарин-Михайловский развенчивает методы отцовского «воспитания мужчины». Он сравнивает такой воспитательный прием с обрубанием ветвей дерева: «Нельзя сплеча обрубить все сучки и задоринки молодого деревца», так как можно обрубить «с ними будущие ветки» [2, с. 12].

Школьные годы стали временем испытаний для Тему. Гимназия в повести предстает воплощением эгоцентризма и потребительства, местом соревнования без правил. Преуспевать в школе могут только те, кто готов лгать, смиряться и предавать. Гимназисты делятся на две категории – мучители и жертвы. В центре внимания Н.Г. Гарина-Михайловского оказываются образы учителей. Писатель придает большое значение портретным описаниям персонажей. Такие детали портретов учителей, как «лысая голова», «растрепанный», «болезненное прозрачное лицо», «толстая, громадная фигура», создают отталкивающее впечатление. «Стеклянные глаза» педагогов всегда смотрят мимо гимназистов, не видят в них людей. Лица педагогов «холодны, безучастны» [2, с. 15].

Учителя часто необразованны, невежественны, откровенно грубы. В своей речи они используют сниженную лексику. Излюбленным обращением педагогов к ученикам становится «маленький негодяй» (либо «негодный мальчишка») [2, с. 15]. Учителя в классе «ревут благим матом», «бешено кричат» [2, с. 15], постоянно унижают и оскорбляют детей. Любой протест со стороны ученика («– Позвольте <...> – заговорил он (Тема – *Е.Ш.*) дрожащим, растерянным голосом, – вы разве смеете на меня так кричать и ругать меня?») вызывает гнев педагога («– Вон!! – заревел господин во фраке и, схватив Тему, потащил за собой по коридору») [2, с. 15]. «Гимназическая дисциплина» [2, с. 15] оказывается для педагогов важнее самого ребенка.

«Благодушных» учителей, которые относятся к детям с любовью и сочувствием, в повести только двое, – Борис Борисович Кноп и Томылин, чей «приветливый, ласковый взгляд проникал в самую глубь детской души» [2, с. 38]. Они практически не видны в общей массе педагогов, разрушающих и унижающих личность ребенка: Кноп обладает «маленькой, тщедушной фигуркой, которые часто попадают между фарфоровыми статуэтками» [2, с. 38].

Тема, находясь в стенах гимназии, постоянно испытывает «чувство дикого, смертельного ужаса», «дрожит от страха» [2, с. 38]. Эти ощущения сходны с теми, которые описаны в сцене наказания мальчика отцом. Н.Г. Гарин-Михайловский показал, как семья и гимназия искажают естественность детской личности, любознательность, непосредственность натуры ребенка.

Ключевым в эпизодах, посвященных гимназии, становится описание случая вынужденного предательства Темой своего товарища Иванова. Мальчик совершает безнравственный поступок, поддавшись давлению со стороны директора гимназии. Тема ощущает себя «униженным», его охватывает «неудержимая боль», он «чувствует отвращение и к себе, и к директору, и к самой жизни» [2, с. 40]. Так впервые в ребенке просыпается желание умереть.

Тема смерти в повести предстает в неразрывной связи с особенностями детского мировосприятия. Герой, мечтая и думая о смерти, воображает, как его будут жалеть, прощать все совершенные проступки, каяться в равнодушии, жестокости, черствости. Однако читатель осознает, что причины обращения писателя к теме смерти лежит в иной плоскости, нежели просто детские наивные фантазии. Ребенок ощущает себя ненужным, отвергнутым окружающими людьми, глубоко несчастным. Он жаждет увидеть хотя бы проблески любви в душах близких и, может быть, учителей и товарищей по гимназии, которые часто обижают его, относятся высокомерно, холодно, пренебрежительно. Недостаток любви рождает в Теме желание уйти из этого мира, полного боли, душевных и физических страданий.

Авторское отношение к воспитательным методам, принятым в гимназии, совпадает с точкой зрения матери Темы. Аглаида Васильевна и здесь становится проводником авторских мыслей и идейно-эмоциональных оценок. Она выносит «приговор» системе школьного воспитания и образования. При этом речь героини строится как *текст-высказывание*, приобретает публицистический характер: «А в теперешнем виде ваша гимназия напоминает мне суд, в котором есть и председатель, и прокурор, и постоянный подсудимый и только нет защитника этого маленького и, потому что маленького, особенно нуждающегося в защитнике подсудимого» [2, с. 40]. Примечательно, что в рамках традиционного повествования, свойственного художественному тексту, появляются черты публицистического стиля.

Итак, в центре повести Н.Г. Гарин-Михайловского «Детство Темы» находится образ ребенка, его чувства, переживания, размышления. Автор раскрывает особенности детского мировосприятия и миропостижения. Ребенок предстает в окружении семьи и природы. Писатель изображает процесс становления героя, его формирования под воздействием различных внешних обстоятельств. Автор показывает трагическое положение ребенка в благополучной, на первый взгляд, семье, воссоздает процесс разрушения семейного уклада, в результате чего ребенок испытывает нравственные страдания. Отсутствие изображения совместных трапез подчеркивает разрушение родственных связей, непонимание отцом ребенка. Своеобразие хронотопа повести определяется противопоставлением дома-усадыбы городу. Топос городского пространства разрушает основы детского мироощущения, связанного с представлением о гармоничности, счастье, единении с семьей и природой. Для повести «Детство Темы» характерно пристальное внимание к проблеме семейного и школьного воспитания и образования (особенно к проблеме телесных наказаний). Н.Г. Гарин-Михайловский говорит о негативном влиянии на нравственное становление личности системы гимназического воспитания и образования. Излюбленными приемами писателя становятся несобственно-прямая речь, контрастное построение текста, смысловые оппозиции, нагнетание слов с положительной и отрицательной семантикой, усиление публицистических стилизованных элементов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бялый Г.А. История русской литературы: в 10 т. Т. 10. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1954.
2. Гарин-Михайловский Н.Г. Детство Темы. М.: Художественная литература, 1970. 334 с.
3. Гордович К.Д. Н.Г. Гарин-Михайловский: личность и творчество: монография. СПб.: Petronivs, 2014. 311 с.
4. Крылова М.А. Автобиографическая тетралогия Н.Г. Гарина-Михайловского («Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2000. 20 с.
5. Курьшева Н.Д. Творческий путь Н.Г. Гарина-Михайловского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 16 с.
6. Могилевский Н.А. Н.Г. Гарин-Михайловский: судьба и тексты // Люди и тексты. Исторический альманах. 2020. № 13. С. 157-184.
7. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Академия, 2007. 268 с.
8. Никольский Е.В. «В начале жизни школу помню я»: автобиографические повествования о сложном детстве (специфика проблематики и жанра) // Пушкинские чтения-2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанры, автор, текст. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. С. 27-34.
9. Прокопьев В.В. Тетралогия Н.Г. Гарина-Михайловского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 19 с.
10. Савина Л.Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX века: Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2002. 40 с.
11. Тумаян Л.А. Н.Г. Гарин-Михайловский (жизнь и творчество): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952. 15 с.
12. Фролова Е.А. Несобственно-прямая речь как средство создания психологического портрета в повести Н.Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы» // Русский язык в школе. 2007. № 1. С. 64-67.
13. Цирулев А.Ф. О жанровой специфике автобиографического цикла Н.Г. Гарина-Михайловского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-1 (46). С. 203-205.
14. Юдина И.М. Н.Г. Гарин-Михайловский: Жизнь и литературно-критическая деятельность. Л.: Наука, 1969. 238 с.

Поступила в редакцию 17.09.2023

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарный институт Северного (Арктического) Федерального университета в г. Северодвинске 164500, Россия, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, 6
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

E. Yu. Shestakova

**FEATURES OF THE ARTISTIC EMBODIMENT OF THE THEME OF CHILDHOOD
IN THE STORY "TYOMA'S CHILDHOOD" BY N.G. GARIN-MIKHAILOVSKY**

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-489-496

This study examines the features of the artistic embodiment of the theme of childhood in the story "Tyoma's Childhood" by the Russian writer of the second half of the XIX century N.G. Garin-Mikhailovsky. It is concluded that the main character of the work chosen for analysis is a child, a boy, Tyoma Kartashev. The leading artistic task of the writer was to comprehend the inner world of the child, to reveal the specifics of the child's worldview, mental and spiritual-moral sphere. The image of the family, recreated in the story, is understood as an integral part of the child's world. The natural environment of the hero plays the role of a harmonizing sphere and is associated with the idea of beauty. The story reveals the process of a child's cognition of the world, the formation of his personality, the formation of ideas about himself and people. External circumstances perform the most important function on this path. Mostly N.G. Garin-Mikhailovsky depicts the tragic situation of a child in modern reality. Search for the causes of children's suffering leads the writer to identify the problems of family and school upbringing.

Keywords: theme of childhood, story "Tyoma's Childhood", N.G. Garin-Mikhailovsky, image of a child, theme of family, problem of upbringing.

REFERENCES

1. Bjalj G.A. Istorija ruskoj literatury: v 10 t. T. 10. [The History of Russian Literature: in 10. Vols. 10]. Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1954. (In Russian).
2. Garin-Mihajlovskij N G. Detstvo Temy [Childhood Themes]. Moscow, Artistic literature Publ., 1970, 334 p. (In Russian).

3. Gordovich K.D. N.G. Garin-Mihajlovskij: lichnost' i tvorchestvo: monografija [N. G. Garin-Mikhailovsky: personality and creativity]. Saint-Petersburg, Petronivs Publ., 2014. 311 p. (In Russian).
4. Krylova M.A. Avtobiograficheskaja tetralogija N.G. Garina-Mihajlovskogo («Detstvo Temy», «Gimnazisty», «Studenty», «Inzhenery»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Autobiographical tetralogy of N. G. Garin-Mikhailovsky ("Childhood Themes", "High School Students", "Students", "Engineers"). Abstract dis. ... candidate of Philology]. Nizhnij Novgorod, 2000. 20 p. (In Russian).
5. Kuryшева N.D. Tvorcheskij put' N.G. Garina-Mihajlovskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The creative path of N.G. Garin-Mikhailovsky. Abstract dis. ... candidate of Philology]. Moscow, 1955. 16 p. (In Russian).
6. Mogilevskij N.A. N.G. Garin-Mihajlovskij: sud'ba i teksty [N.G. Garin-Mikhailovsky: fate and texts]. Ljudi i teksty. Istoricheskiy al'manah [People and texts. Historical Almanac], 2020, no. 13, pp. 157-184. (In Russian).
7. Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta: uchebnoe posobie [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademija Publ., 2007. 268 p. (In Russian).
8. Nikol'skij E.V. «V nachale zhizni shkolu pomnju ja»: avtobiograficheskie povestvovaniya o slozhnom detstve (specifika problematiki i zhanra) ["At the beginning of my life, I remember school": autobiographical narratives about a difficult childhood (specifics of the problematic and genre)] Pushkinskie chtenija-2013. Hudozhestvennye strategii klassicheskoj i novej literatury: zhanry, avtor, tekst [Pushkin Readings-2013. Artistic strategies of classical and new literature: genres, author, text]. Saint-Petersburg, Leningrad State University named after A. S. Pushkin Publ., pp. 27-34. (In Russian).
9. Prokop'ev V.V. Tetralogija N.G. Garina-Mihajlovskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Tetralogy of N.G. Garin-Mikhailovsky. Abstract dis. ... candidate of Philology]. Moscow, 1964. 19 p. (In Russian).
10. Savina L.N. Problematika i poetika avtobiograficheskikh povestey o detstve vtoroj poloviny XIX veka: L.N. Tolstoj «Detstvo», S.T. Aksakov «Detskie gody Bagrova-vnuka», N.G. Garin-Mihajlovskij «Detstvo Temy»: avtoref. dis. ... doktora filol. Nauk [Problematics and poetics of autobiographical stories about childhood of the second half of the XIX century: L.N. Tolstoy "Childhood", S.T. Aksakov "The childhood years of Bagrov-grandson", N.G. Garin-Mikhailovsky "Childhood Themes". Abstract dis. ... doctor of philology. sciences]. Volgograd, 2002. 40 p. (In Russian).
11. Tumanjan L.A. N.G. Garin-Mihajlovskij (zhizn' i tvorchestvo): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [N.G. Garin-Mikhailovsky (life and work). Abstract dis. ... Candidate of Philology. sciences]. Leningrad, 1952. 15 p. (In Russian).
12. Frolova E. A. Nesobstvenno-prjamaja rech' kak sredstvo sozdaniya psihologicheskogo portreta v povesti N.G. Garina-Mihajlovskogo «Detstvo Temy» [Improper-direct speech as a means of creating a psychological portrait in the novella by N. G. Garin-Mikhailovsky "The Childhood of the Theme"] Russkij jazyk v shkole [Russian language at school], 2007, no. 1, pp. 64–67. (In Russian).
13. Cirulev A.F. O zhanrovoj specifike avtobiograficheskogo cikla N.G. Garina-Mihajlovskogo [About the genre specifics of the autobiographical cycle of N.G. Garin-Mikhailovsky] Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2015, no. 4-1 (46), pp. 203–205. (In Russian).
14. Judina I.M. N.G. Garin-Mihajlovskij: Zhizn' i literaturno-kriticheskaja dejatel'nost' [N.G. Garin-Mikhailovsky: Life and literary-critical activity]. Leningrad, The science, 1969. 238 p. (In Russian).

Received 17.09.2023

Shestakova E.Yu., Candidate of Philology, Associate Professor
of Literature and Russian Language Department
Humanitarian Institute of the Northern (Arctic) Federal University in Severodvinsk
Kapitana Voronina st., 6, Severodvinsk, Russia, 164500
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru